Е. Б. ЧЕРНОВА

Незабываемые годы

Моя бабушка — Агата Ивановна — сестра Анны Ивановны Львовой (в замужестве Гумилевой), родилась в имении Слепнево Бежецкого уезда, Тверской губернии. В середине 60-х годов она вышла замуж за Владимира Павловича Покровского. В мае 1872 года у них родился единственный сын — Борис — мой отец.

В 1897 году бабушка находилась в Курске. Там она неожиданно заболела. Говорили, что она заразилась черной оспой в церкви. Она лежала одна в комнате на втором этаже дома, и к ней никто не подходил, так как боялись заразиться этой страшной болезнью. Ее предупредили: «Когда будете умирать, то постучите ножкой». Об этой страшной трагедии сообщили отцу и он поехал к ней. Бабушку он застал еще живой. Она умерла на его руках и он похоронил ее.

После смерти бабушки многие годы отец жил в семье Гумилевых. Братья Николай и Дмитрий относились к нему очень тепло. И несмотря на то, что отец был старше их на 10 лет, они обращались к нему на «ты», он учился с ними в одной гимназии [1].

Помню, отец рассказывал мне, как однажды у Коли появилась идея — разрисовать свою комнату под морское дно. Это предложение нашло отклик у брата. Они где-то раздобыли краски и стали размалевывать стены. Это художество увидел их отец — Степан Яковлевич и, естественно, пресек осуществление их фантазии.

По рассказам отца я замечала, что он хорошо знает русскую литературу. Видимо, творчество русских писателей было в семье Гумилевых насущным хлебом, без которого не обходился ни один день. И если кто-то из братьев учился плохо, то это потому, что они были гуманитарами.

После окончания гимназии Борис Владимирович поступил из-за отсутствия материальных средств в юнкерское училище. В каникулы приходил к Анне Ивановне в гости.

Семья Гумилевых всегда жила в достатке. Глава семьи Степан Яковлевич был человеком деятельным. Он купил болотистые, непролазные земли — сейчас это станция Поповка, осушил их, а затем стал продавать их под небольшие участки. В Царском Селе они имели собственный дом и службы. Там была неплохая библиотека, книги которой любил читать Борис Владимирович.

В 1898 году мой отец женился на Серафиме Николаевне Гололобовой [2]. Через год родилась я. У моей матери был тяжелый характер. Отца она не любила. Ко мне относилась очень холодно из-за того, что я была похожа на отца. С родственниками Бориса Владимировича не дружила. А отец, наоборот, все свободное время проводил со мной, сочинял специально для меня сказки, выписывал различные журналы, рассказывал о наших родных, знакомых, например о Машеньке Кузьминой-Караваевой, называя ее «светлым ангелом», и о других.

В 1910 году летом мы всей семьей переехали в Петербург, где отец получил новое назначение и стал работать в Главном штабе. Мы сняли квартиру на Кавалергардской улице. Комнаты еще не все были заняты. Когда пришла я, то неожиданно увидела незнакомых людей. Они стали ласково называть меня «Леля» и обнимать. Выяснилось, что это сестры моей бабушки — Варвара Ивановна и Анна Ивановна. Они подарили мне коробку конфет.

Анна Ивановна спросила меня: где я учусь? Я ей ответила, что закончила такой-то класс и хочу учиться в институте. Она возразила: «Зачем, будь как все барышни». Я была удивлена этим советом.

После этой встречи мы часто ездили в Царское Село, где жила семья Гумилевых. В их двухэтажном доме на первом этаже располагались: большая гостиная (в ней стояла старинная мебель красноватого тона), столовая и отдельная комната, в которой находились чучела зверей и выставка трофеев. Там меня особенно поразила с приподнятыми передними лапами пантера, которую Маруся Сверчкова называла «вонючкой».

На втором этаже были расположены жилые комнаты: отдельно у Александры Степановны с Марусей, у Коли Маленького, у Николая Степановича, у Анны Андреевны и у Анны Ивановны. Когда я приходила, Александра Степановна принимала меня очень радушно. Я помню, как она мне показывала картины своего мужа...

К ним в гости часто приезжал внук Варвары Ивановны — Федя Лампе[3]. В то время он был мотоциклистом, участвовал в гонках и имел призы. Иногда после соревнований приезжал к Гумилевым. Его сразу же отводили мыться. Потом он делился своими впечатлениями о гонках, обедал и уезжал.

У нас, на Кавалергардской улице, часто бывали Сергей Кузьмин-Караваев (из семьи Варвары Ивановны) и Дмитрий Гумилев со своей женой Анной Андреевной, урожденной Фрейганг. Они жили недалеко от нас: на углу улицы Таврической и Суворовского проспекта. Они недавно заключили брак. И когда бывали одни, то Митя брал свою невесту на руки и они долго смотрели в зеркало, как они выглядят.

Дмитрий рассказывал моему отцу о том, что у Коли серьезный роман. И в последний раз за обедом он заявил, что если не женится на своей любимой девушке, то пустит себе пулю в лоб. А Коля это такой мальчик, который слово свое сдержит.

После этого разговора через некоторое время Николай Степанович привез познакомить свою молодую невесту с нами. И перед нами предстала высокая худенькая девушка. Это была Анна Ахматова. Мою маму удивила небрежность ее одежды. Борты ее блузки были застегнуты английскими булавками. Светский разговор она вести не умела и вела себя так: меня сюда привезли, а вы мне не интересны и я здесь ни при чем. Моей маме она не понравилась.

В 1911 году отец поехал в длительную командировку. Оттуда приехал совсем больной, привез различные подарки: халаты, кимоно... Вскоре встал вопрос о его отставке. Болезнь развивалась очень быстро: он стал многое забывать, с трудом говорить и ходить ему одному было трудно. Поскольку дело было к лету, везти его на курорт было невозможно, так как ему нужна была домашняя помощь, то мама списалась с моими тетями и мы решили на лето свезти его в Слепнево.

Это имение еще недавно принадлежало старшему брату моей бабушки — Льву Ивановичу Львову[4]. Я видела его фотографию у папы. Он был одет в офицерскую морскую форму. У него были бакенбарды. Мы все его звали дядя Леля. Он был участником Севастопольской обороны, имел чин вице-адмирала. После его смерти в 1908 году имение перешло к его сестрам. И Анне Ивановне была дана доверенность на управление этой усадьбой.

В первых числах июня 1912 года мы приехали в город Бежецк, переночевали там у своих дальних родственников и утром отправились в Слепнево. За нами оттуда специально были присланы два экипажа. Дорогой я впервые увидела русские деревни, до это-

го я была только на курортах. Меня поразили огромные, плоские просторы, засеянные хлебами. Каждое селение было огорожено и перед въездом стояли воротца, которые были закрыты. Их нужно было открыть, и тут на звон колокольчика прибегали сельские мальчишки и открывали их.

Когда мы приехали в Слепнево, то маму и отца разместили во флигеле, а я жила в большом усадебном доме. Я помогала ухаживать за отцом: читала ему книги, приносила цветы. Он был уже седой, стал еще хуже говорить. Мою мать он не мог уже называть «Кесерочкой», как называл раньше, а только произносил обрывки слов «Кень» и по ним мы догадывались, о ком идет речь. Здоровье отца было настолько плохое, что он не мог ни раздеваться, ни одеваться. Чтобы его посадить в кресло, нужно было поднять с постели, а это нам было трудно сделать. В этом деле нам помогал кучер. Кажется, его звали Николай. Он был очень хорошим человеком. Я вспоминаю его с чувством большой благодарности.

В комнате, где я жила, была старинная мебель: диван из красного дерева, кресла, обитые красным бархатом или плюшем. Стены были оклеены синей бумагой, на которой красовалось множество рисунков. Рядом была прихожая. В ней стояла клетка с зеленым попугаем. Крестьяне звали его «заморской птицей». Он часто кричал: «Попочка — душечка, попочка — птичка, попочка пить хочет». Когда он начинал надоедать своим криком, приходила Александра Степановна Сверчкова — для нас тетя Шура (сводная сестра Николая Степановича) — и усмиряла его, то есть накрывала его плотной тканью.

Хозяйство в Слепневе вели А. С. Сверчкова и Констанция Фридольфовна Кузьмина-Караваева или, как мы ее звали, тетя Котя. Они руководили всеми домашними делами: вместе ездили на рынок и закупали продукты, следили за уборкой помещений. Александра Степановна была неутомимой труженицей — все хозяйское обеспечение лежало в основном на ней.

А ее дочери Марусе было 17 лет, она была испуганной и забитой девушкой, постоянно говорила: «Тише, тише...». Однажды я предложила ей поиграть в крокет. Она испугалась и сказала: «Не надо, шарик может разбудить бабушку». В Царском Селе она, показывая мне чучела зверей, подводила меня к ним и говорила о них шепотом. В доме ее все жалели и называли Марусей или Мусей. Я никогда не слышала, чтобы ее называли Машей. С этим именем всегда связывалась Маша Кузьмина-Караваева. Маруся была очень болезненной, физически слабой. Длинную прогулку она не в состоянии была совершить. Мы иногда с ней играли, несмотря на возраст, она старше меня была на пять лет.

Сын Александры Степановны — Коля Маленький (его звали так в отличие от Коли Гумилева) был, наоборот, очень крепким и сильным юношей. Когда Анна Андреевна была беременна, ему было поручено от бабушки носить Ахматову на второй этаж дома. Он это задание успешно выполнял.

Между Николаем Степановичем и Колей Маленьким были своеобразные отношения. Коля Маленький был при Николае Степановиче на положении адьютанта. Если старший идет кататься на лошадях, то то же самое младший, если старший идет играть в теннис, то же делает и младший. В общем, Коля Маленький был всегда ведомый. Единственная его инициатива — он купался в тех местах, куда некоторые боялись вступить. От Николая Степановича его отличало то, что он был вне литературы. Я никогда не видела, чтобы он что-нибудь читал или писал. Коля Маленький был своеобразным отражением Николая Степановича. Даже его поездка в Африку объясняется тем, что это в большей степени интересовало Гумилева.

В Слепневе был давно заведенный распорядок дня. Мы вставали в восемь часов утра, в девять шли завтракать. А потом расходились, выполняли различную работу, поручения. В половине второго или в два часа дня — обедали. В четыре-пять часов был полдник или, как мы его называли, «файф о'клок». На стол подавался чай и очень вкусное печенье. В семь часов вечера был ужин. Меня на нем никогда не было. Я или готовилась ко сну или была во флигеле.

В доме придерживались патриархальных традиций XVIII века. Так, например, прежде чем сесть за стол, исполнялся ритуал посадки. Все ждали, пока не сядет на свой стул старшая сестра Анны Ивановны Варвара Ивановна — самый старый человек. Она гримировалась под Екатерину Вторую и очень любила, когда ее с ней сравнивали. Пока Варвара Ивановна не сделает особый знак рукой, за стол никто не садится. Все стоят за своим стулом. Анна Андреевна называла эти традиции «китайской церемонией и XVIII веком». За столом младшее поколение не имело права начинать разговор. Это касалось меня, Коли Маленького, Маруси и даже Анны Андреевны и Николая Степановича. В этой обстановке Анна Андреевна всегда молчала или кратко отвечала на вопросы, которые ей задавали старшие. Помню, как однажды у Николая Степановича и Анны Андреевны после того, как они получили свежие журналы, спросили: «Что о Вас пишут?» Н. Гумилев гордо ответил: «Бранят», а Ахматова сказала сдержанно: «Хвалят». Я не помню, чтобы Анна Андреевна и Николай Степанович читали за столом свои стихи.

Семейная обстановка для Анны Андреевны была мучительной. Мне в этой ситуации было легче. Я была хорошо дрессирована, знала, как нужно поступать в том или ином случае. В Слепневе Ахматова сохраняла петербургский образ жизни. Она шокировала всех тем, что вставала иногда в два часа дня. Ей это добродушно прощали, так как она в это время была беременна. За Анной Андреевной необыкновенно ухаживали: часто носили на руках, не позволяли ей никакую физическую работу. Я видела ее лишь на прогулках. Она была укутана в шаль и ходила тихими шагами со своей очень симпатичной бульдожкой Молли. Держалась она очень уединенно.

Было известно, что Анна Андреевна и Николай Степанович неутомимо трудятся: пишут стихи, ведут огромную переписку. Им в это время не мешали и до обеда они могли свободно заниматься своими литературными делами. А после обеда была развлекательная программа. Вся молодежь, кроме Ахматовой, собиралась на теннисной площадке. Сюда приезжали на лошадях соседи по имению Неведомские. Здесь было весело. Николай Степанович очень любил верховую езду и, видимо, показывал в этом деле свое умение. Помню, как однажды кучер жаловался Анне Ивановне, что Николай Степанович отучает лошадей от езды в упряжке. Я в этих играх и развлечениях не принимала участия. У меня было правило: не путаться под ногами.

Все свое время я проводила во флигеле, читала отцу привезенное из Петербурга собрание сочинений И. Тургенева. Хотя в Слепневе тоже были книги, но я их не видела. Знаю об этом со слов Николая Степановича. Он говорил, что они с женою переплетают потрепанные книги, используя для обложки разнообразные ткани.

Помню, как проходили именины Ольги Александровны Кузьминой-Караваевой. Меня попросили родители, чтобы я ее поздравила. Я принесла ей цветы, поздравила. Меня угостили печеньем, морсом. Я была там недолго.

В Слепневе мы прожили полтора месяца.

Однажды я видела Николая Степановича на одном из поэтических вечеров, который проходил в Доме Литераторов на улице Бассейной в 20-е годы. Он стал читать стихотворение «Либерия», в котором есть такие строчки:

Но не узнанной целых пять дней
Управляла страной обезьяна.

Некоторые, собравшиеся в зале, поняли это как намек на происходящие в стране революционные события. Несколько чело-

век, схватившись за кобуры пистолетов, даже вскочили с места. Но Николай Степанович, несмотря на опасность, продолжал как ни в чем не бывало читать свои стихи. А когда закончил чтение, то дал объяснение, что этот факт никакого отношения к нашим событиям не имеет. Меня очень удивило его самообладание и спокойная, уверенная и сильная интонация голоса.